

*Светлана
Мирошникенко*

член Клуба любителей истории города
и флота, г. Севастополь

ЧЕРТЫ ЕГО КАРАНДАША, или Книжная жемчужина Казахстана

Хранили многие страницы
отметку резкую ногтей...

А. С. Пушкин «Евгений Онегин», глава 7

Я уезжала в Казахстан, в Алма-Ату, в поисках пушкинского «следа». Странно было бы искать следы поэта в городе, где он никогда не был, – город возник уже после его гибели, в 1854 году, сначала как военное укрепление Верный, название Алма-Ата появилось на карте только с 1921 года.

Тем не менее зримые пушкинские «следы» в городе есть: памятники Александру Сергеевичу, название улицы, переводы казахских писателей произведений русского поэта... Впрочем, целью поездки было посещение Национальной библиотеки Республики Казахстан (далее – НБРК), которая, к слову, с 1937 по 1991 год носила название Государственной библиотеки Казахской ССР имени А. С. Пушкина.

В фонде редких книг и рукописей НБРК меня ожидало удивительное и неповторимое открытие, находка, о которой я и хочу рассказать читателю.

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

О книжных сокровищах Алма-Атинской библиотеки рассказывает Ю. Домбровский в очерке «Книжные богатства Казахстана». Прозаик, поэт, археолог и искусствовед, долгие годы живший в Алма-Ате, был не понаслышке знаком с библиотечными фондами, о которых писал: «Среди крупнейших книгохранилищ Союза Казахстанская публичная библиотека им. Пушкина в Алма-Ате занимает одно из первых мест. По далеко не полным сведениям, книжные фонды ее содержат свыше 612 000 томов (*сегодня более 5 млн. – С. М.*) на 35 языках мира...» Здесь «можно найти и восточные рукописи 800-летней давности, ценнейшие фолианты XVI века, редчайшие прижизненные издания средневековых гуманистов, книги и брошюры, выпущенные Конвентом в период Великой французской революции, полные экземпляры старопечатных и современных книг...»

Среди этого книжного изобилия меня интересовали конкретные вещи: семь собственноручных писем поэта князю Петру Андреевичу Вяземскому (1816–1837 гг.), изданные в 1880 году фотолитографическим способом сыном к тому времени уже покойного П. А. Вяземского – Павлом Петровичем, и прижизненные «пушкинские» издания – «Бахчисарайский фонтан», «Евгений Онегин», «Руслан и Людмила», «Борис Годунов», сборник стихотворений А. С. Пушкина.

В службе редких книг и рукописей меня ожидало просто невероятное открытие сюрприз, о котором я и мечтать не могла. Руководитель службы Т. А. Замзаева вынесла из книжной сокровищницы старинную французскую книжку: небольшой формат, 9 на 17 см, пожелтевшая картонная обложка, словно обсыпанная мукой, покрыта пятнами (хочется сказать, патиной) времени.

На обложке – ничего не говорящий непосвященному номер (инвентарный?) 84 5.38 Рф. Открываю книгу. На предтитульной странице – четкий овальный штамп «Оренбургская Ученая архивная Коммисія» (далее – ОУАК). Под штампом выцветшими от времени чернилами аккуратная надпись по-французски: «Monsieur Schmidt m'ai fait present ce livre la dixieme jour d'avril l'an 1720» (перевод: «Г-н Шмидт подарил мне эту книгу в десятый день апреля 1720 года». – С. М.). Ниже справа на этой же странице: «uear ... (неразборчиво) 10 avril 1720» («год... 10 апреля 1720». – С. М.).

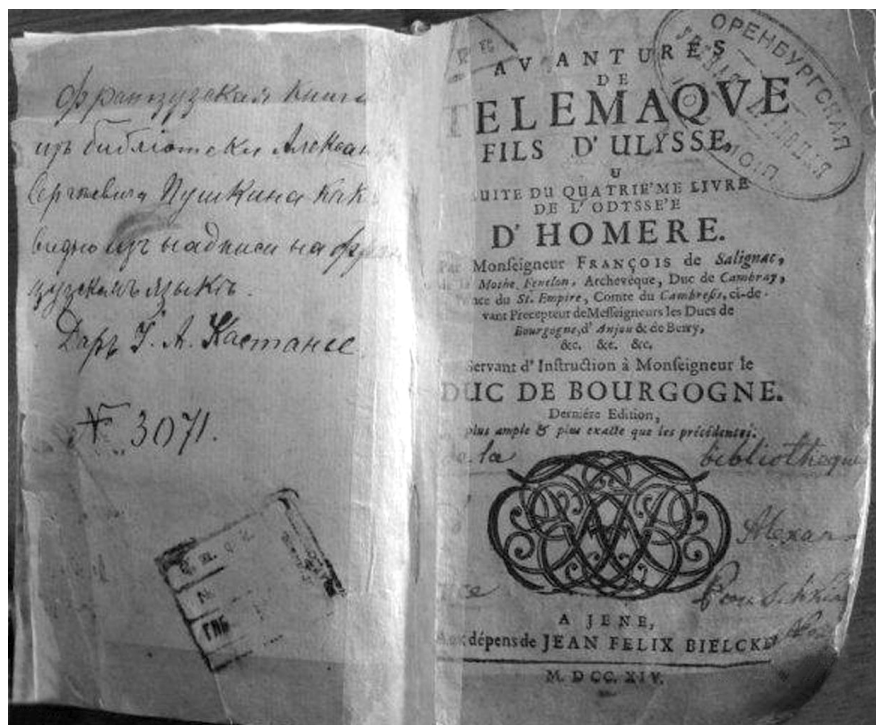
Листаю дальше. На развороте титульного листа, справа, знакомый уже штамп ОУАК и длиннющее, почти на всю страницу, французское название книги (привожу его перевод на русский язык): «Приключения Телемака Сына Улиссова, продолжение 4-й книги «Одиссеи» Гомера. Монсеньор Франсуа де Салиньяк, де ла Мот, Фенелон, Архиепископ, Герцог Камбрейский, Маркиз де Камбре, наставник Монсеньоров Герцогов Бургундского, Анжуйского, Беррийского и пр., и пр., и пр. Написано для руководства Монсеньора Герцога Бургундского. Последнее издание, более полное и более точное, чем предыдущие». В самом низу страницы напечатано: «Издано иждивением Жана Феликса Бильке» и год издания: М DCC XIV (1714. – С. М.).

Между пространным названием книги и датой отпечатана замысловатая вignetka, по обе стороны которой светло-коричневыми старинными чернилами, разборчиво, каллиграфическим почерком, аккуратно, по-французски сделана владельческая надпись: «de la bibliotheque d'Alexandre Pouschkine AP 025» (последняя цифра читается нечетко. – С. М.).

Автограф, безусловно, подлинный: такие выцветшие чернила из дубового орешка подделать невозможно.

Не надо было быть знатоком французского языка, чтобы понять, что в руках у меня оказалась книга из личной библиотеки А. С. Пушкина.

А вот и еще одно свидетельство – слева на титульном листе автограф размашистым почерком черной тушью: «Французская книга из библиотеки Александра Сергеевича Пушкина какъ видно изъ надписи на французскомъ языкѣ. Даръ И. А. Кастанье. № 3071».

«Голова у меня закружилась...» – писал поэт, правда, совершенно по другому поводу. Несомненно, Александр Сергеевич дорожил этой книгой, если отметил, что именно ему она принадлежит.

Переворачиваю пожелтевшие страницы французской книжки. Обстоятельное (на 14 страницах!) предисловие; басня Ла Фонтена «Змея и Пила», адресованная критикам «Приключений Телемака». Еще одна басня «Лебедь и Гусь»; эпиграмма на сочинителя «Телемакомании». «История. Орел и Сова». Ода (два последних произведения на латинском языке). Краткое содержание первой книги тома 1-го. Наконец, начинается рассказ о похождениях Телемака, Улиссова (*т.е. Одиссея*). – С. М.) сына.

На полях книги, с первой страницы и до самого конца, многочисленные заметки, оставленные рукой Пушкина. Читал поэт «Телемака» с пером в руке, и все маргиналии сделаны черной тушью, убористым бисерным почерком на французском языке.

В конце книги, после слова FIN («конец». – С. М.), стоят два библиотечных штампа с инвентарными номерами, и еще одна овальная печать ОУАК.

Переворачиваю последнюю страницу старинной книжицы. На ней незнакомым почерком черными чернилами отчетливо читаются восемь размашистых строк на французском: Vous que j'adore. Se vous que j'adore mon cher amie. J'adore. Monseigneurs. Monseigneurs. Monsieur. Monsieur. («Вы, кого я боготворю. Вам, кого я боготворю, мой дорогой друг. Боготворю. Монсеньоры (Господа. – С. М.). Монсеньоры. Монсеньор. Монсеньор». – С. М.).

Конечно, читатель знает о том, что поэт читал много, внимательно, с наслаждением, делая отметки на полях книжных страниц. Собственную манеру чтения он охарактеризовал в «ЕО», присвоив ее герою поэмы:

Хранили многие страницы
 Отметку резкую ногтей;

 На их полях она встречает
 Черты его карандаша.
 Везде Онегина душа
 Себя невольно выражает
 То кратким словом, то крестом,
 То вопросительным крючком.

«Телемак» не стал исключением: страницы книги буквально «усеяны» пушкинскими отметками: подчеркивания, зачеркивания, слова, предложения, целые фразы...

К маргиналиям Пушкина мы непременно вернемся и постараемся, в меру наших скромных возможностей, разобрать «летучий почерк» Александра Сергеевича, не претендуя, разумеется, на глубокое научное исследование.

Пока речь о другом. У каждой антикварной книги своя история, своя судьба, своя память, немые свидетели которых – штампы, экслибрисы, дарственные надписи – в большинстве случаев остаются неразгаданными, и можно только строить предположения и догадки, пытаясь решить задачи со многими неизвестными, связать разорванные нити и восстановить разбитое временем зеркало, чтобы в нем отразилась история, эпоха...

Впрочем, иногда все же кое-что узнать удается. Попробуем провести небольшое исследование, опираясь на известный фактический материал, оставив за скобками за давностью лет некоего г-на Шмидта, который подарил эту книгу неизвестному лицу аж в 1720 (!) году. Маловероятно, чтобы не сказать невозможно, узнать, кто и кому начертал пылкие французские строчки на последней странице «Телемака».

Остаются два очевидных факта: штамп ОУАК и дарственный автограф И. А. Кастанье. Кем он был, этот Кастанье? Кому и когда он подарил личную книгу А. С. Пушкина? Как она ему досталась? Какая связь, если есть, между Кастанье и Оренбургской ученой архивной комиссией? Вопросы, вопросы, вопросы...

ОУАК

13 апреля 1884 года Император Александр III подписал «Положение о губернских исторических архивах и ученых архивных комиссиях» для сбора, приведения в порядок и «вечного хранения дел и документов» в губерниях. Оренбургская ученая архивная комиссия возникла в 1887 году и стала первой на Урале и восьмой архивной комиссией в России. В ее задачи первоначально входило наведение порядка в архиве канцелярии Оренбургского генерал-губернатора, о богатстве которого писал ещё А. С. Пушкин, собиравший здесь в 1833 году материалы для своей книги о Пугачёве.

ОУАК вела обширную научно-исследовательскую работу по сбору сведений «о древностях края», истории, этнографии, археологии. В состав комиссии входили представители местной интеллигенции, историки, военные, чиновники, все люди яркие, талантливые и неравнодушные, искавшие ответа на «те вопросы, которые предлагает современная жизнь... т. е. кто вы и что вы?» (из отчета ОУАК за 1905 г.).

Работа велась в сложных условиях, средств не хватало, выручал энтузиазм сотрудников комиссии и частные пожертвования.

С 1896 года стали издаваться «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», в которых публиковались отчеты о результатах научных экспедиций, научные статьи по истории и быту уральского казачества, башкир, казахов и других народов края. С 1904 года среди авторов научных публикаций на страницах «Трудов» часто встречается фамилия И. А. Кастанье. О предметах, его занимающих, наглядно дают представление названия его работ: «Из области киргизских верований. О чарующих силах, заключающихся в человеке», «Древности Киргизской степи и Оренбургского края», «Надгробные сооружения киргизских степей», «Мертвые города», «Погребальные обряды у калмыков и у ламаитов вообще» и пр., и пр.

Итак, связь между Кастанье и ОУАК нашлась. Поищем теперь, что известно об оренбургском ученом.

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Жозеф-Антуан (Иосиф Антонович) Кастанье (1875–1958) в поисках лучшей доли приехал в Россию из Франции в 1899 году. Поначалу жил в Пятигорске, где работал учителем французского языка в местной гимназии. На Кавказе начинается его увлечение этнографией: он кропотливо собирает местные народные предания, сказки, песни. В 1901 году переехав с семьей в Оренбург, он к своим увлечениям добавил историю и археологию, которым оставался верен до конца жизни.

Во время гражданской войны И. А. Кастанье вынужден был эмигрировать во Францию. С собой он увез научный архив, некоторые коллекции среднеазиатских древностей, многочисленные фотографии и первую археологическую карту Туркестана. Судьба его наследия в настоящее время неизвестна.

О Кастанье пишет Ю. Домбровский в романе «Хранитель древностей»: «... краеведом он был первоклассным: внимательным, знающим, рьяным, из тех, для кого история действительно была музой. О чем он только не писал, что только не описывал, в каком только уголке степи не побывал и какие только истории с таинственными подземельями и скелетами с ним не случались! Писал он и о надгробных памятниках, и о сирийских надгробьях, и о неолитических стоянках, и о свастике, и бог знает еще о чем. Он... собрал всю индустрию каменного века: в его ящиках лежали кремневые топоры, стрелы, наконечники копий, обломки кремня, обработанного и круглого, может быть, остатки какой-то палеолитической Венеры...»

О заметках ученого француза в «Трудах Оренбургской архивной комиссии» Ю. Домбровский отзывается полуиронично-полушутливо: «Писал Иосиф Антонович много, и хоть не скажешь, что уж больно хорошо, но ясно, просто, вразумительно. Был он археологом. Сам всюду ездил, перерисовывал, литографировал, и все это появлялось в толстенных томах “Трудов Оренбургского археологического общества”. Совался он всюду, и приключения при этом с ним случались всяческие.

Так, однажды в древнем подземелье под мечетью он наткнулся на тринадцать мумий. Они лежали одна подле другой под грудой истлевшего тряпья, а Кастанье и старик-сторож стояли, согнувшись, чуть не на четвереньках и смотрели на них. У одного в руках была свеча, у другого кассеты (Кастанье и заполз сюда, чтобы проявить снимки)...»

Археолог-любитель, дилетант от науки, Кастанье был вместе с тем неутомимым путешественником, исколесившим вдоль и поперек весь Туркестан, исследователем с разносторонними интересами, страстным коллекционером. Не был чужд он и традиций меценатства: нередко передавал музеям собственные материалы, привезенные из археологических экспедиций, дарил библиотекам книги и брошюры по археологии, истории и этнографии Центральной Азии. Свое обширное собрание древностей и этнографическую коллекцию он собирался передать Оренбургской ученой архивной комиссии, однако этого по разным причинам так и не случилось.

В 1902 году И. А. Кастанье был избран действительным членом Оренбургской ученой архивной комиссии, ее ученым секретарем, а с сентября 1909 года становится вице-председателем и по совместительству хранителем музея ОУАК, основанного еще в 30-е годы XIX века В. И. Далем.

Труды И. А. Кастанье на научном поприще были отмечены государственными наградами – орденами Святого Станислава 3-й степени (1908 г.) и Святой Анны 3-й степени (1913 г.)

В 1925 году много предметов из коллекции Оренбургского краеведческого музея было вывезено в Казахстан, в Алма-Атинский музей, где в конце 40-х годов работал научным сотрудником Ю. Домбровский и где, по словам писателя, он впервые услышал фамилию ученого француза.

Еще об одной «встрече» с Кастанье он пишет так: «Через год я встретился с ним снова: проходил пушкинский юбилей (1939 г. – С. М.), и в одной из витрин библиотеки (в эти дни она и получила наименование Пушкинской) появилось старинное издание книги Фенелона “Путешествие Телемака”. Над ней ватман: “Книга из библиотеки А. С. Пушкина, забытая им в Уральске”.

Уральск Пушкин проезжал во время поездок по пугачевским местам. Тогда он и мог забыть этот толстый крошечный томик. Книга, забытая Пушкиным в Уральске, – дар Кастанье. ...Цел ли “Телемак”?»

Как мы убедились, «Телемак» благополучно уцелел и бережно хранится в книгохранилище НБРК. Как он сюда попал? Оренбургский краевед считает, что книгу И. А. Кастанье подарил библиотеке ОУАК, вероятно, в 1912 году, когда переводился на службу в Ташкент. Сохранилось его письмо, в котором он упоминает «несколько книг», принесенных им в дар. В Алма-Ату книга попала вместе с этой библиотекой, которая среди других вещей была в 1925 году увезена из Оренбурга, когда город перестал быть столицей Казахской социалистической республики (1920–1925 гг.)

Вернемся, впрочем, к алма-атинской находке и попытаемся понять, говоря словами самого Пушкина, «какою мыслью, замечанием был... поражен» поэт, читая «Телемака». Прежде чем перейти к пушкинским маргиналиям, представляется необходимым ознакомиться в общих чертах с содержанием книги.

АВТОР И ЕГО ДЕТИЩЕ

Франсуа де Салиньяк де ля Мот Фенелон (1651–1715) – архиепископ, известный французский писатель эпохи Просвещения написал «Приключения Телемака» для своего воспитанника – наследника французского трона, герцога Бургундского, внука Людовика XIV.

Фенелон считал своею «миссией, возложенной на него свыше, сделать из принца короля, который составил бы счастье родной страны, расстроенной правлением Людовика XIV. Это обстоятельство послужило поводом к сочинению “Телемака”, знаменитого сочинения...», посредством которого Фенелон надеялся воспитать в наследнике престола гуманные чувства, «честность и величие души».

Труд Фенелона полон наставлениями, которые он облакает в занимательную форму басни, мифологического рассказа, аллегории, истории и т. п., а необыкновенная живость изложения, тонкий юмор, изящный стиль – гарантировали его произведению полный успех.

О содержании книги один из ее русских переводчиков Ф. Лубяновский отзывался так: «Книга повествует о том, как сын Одиссея (Улисса) Телемак отправляется странствовать по свету с целью отыскать своего отца, еще не вернувшегося из-под Трои. Телемака сопровождает Минерва в образе его воспитателя Ментора. Во время своих скитаний путешественники посещают различные страны с их государями, нравами, законами и обычаями, что, собственно, и составляет предмет наблюдений Телемака, будущего царя Итаки, сопровождаемых объяснениями и наставлениями мудрой Минервы. В Египте они встречаются с мудрым царем Сезострисом, любящим своих подданных, каждый из которых готов отдать свою жизнь во благо государя. В Тире правит мрачный, скупой Пигмалион. Его подданные ненавидят и боятся своего царя. На Крите умный и достойный Минос установил в своей стране справедливые законы, и сам для своих подданных является примером благочестивой жизни».

Особого внимания заслуживают «Сокровенные мысли об обязанностях короля», где Фенелон рассуждает о необходимости возвышенных, христианских идей в образовании, о характере и жизни государя, желающего блага своим подданным.

Задача автора, таким образом, состояла в том, чтобы «показать наследнику французского престола всю трудность и ответственность предстоящей ему роли главы государства. Признавая за наилучшую форму правления неограниченную монархию, но монархию просвещенную, презирающую внешний блеск, войны, пышные празднества и т. п. и стремящуюся ко благу народному и водворению патриархальной простоты, Ментор представляет своему воспитаннику государство во всех проявлениях его многообразной жизни. В живых образах даны здесь наставления относительно всевозможных отраслей жизни и управления: государство и церковь, законодательство и обычаи, война и политика, наука и искусства, земледелие, торговля и промышленность, общественное воспитание и образование и пр. – все нашло в себе объяснение в этой книге. По временам наставления проникнуты резким и бичующим тоном и рисуют то тяжкое и жалкое, гнетущее состояние, в которое впадает страна, имеющая недостойного правителя, изображают черты личности правителя достойного, желающего блага стране своей и т. д.».

Впервые книга была опубликована в 1699 году, и сразу же вызвала скандал весьма недвусмысленной критикой французского короля и его фавориток. Фенелон был подвергнут опале, но это сделало роман еще более популярным. Двадцать изданий в течение первого же года его появления – достаточно убедительное свидетельство необыкновенно широкого признания «Телемака». Его называют «божественным», «зеркалом государей», переводят на все европейские языки. На сюжет «Телемака» пишет оперу Моцарт. Г. Шлиман, по его признанию, знал «Телемака» наизусть. Похождения сына Улисса вдохновляли известных художников – Давида, Кауфмана, Рау, Гамильтона.

Большой популярностью пользовались «Похождения...» и в царской России. Его переводили М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, Ф. Лубяновский, А. Ф. Хрущев и др. Стародум в комедии Фонвизина «Недоросль» хвалил Софью за то, что она читает «Фенелона, автора Телемака», ибо «кто написал Телемака, тот пером своим нравов развращать не станет». Наибольшей же известностью пользовался стихотворный перевод (переложение в гекзаметрах), выполненный В. Тредиаковским в 1766 году и опубликованный им под заглавием «Тилемахида, или Странствие Тилемаха сына Одиссева». Стих из «Тилемахиды...» А. Н. Радищев взял в качестве эпиграфа к «Путешествию из Петербурга в Москву»: «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя...» Хорошо знал сочинение Фенелона и А. С. Пушкин.

ПУШКИН И «ТЕЛЕМАК»

Поэт читал «Похождения Телемака» еще в юности, об этом свидетельствует четверостишие, приводимое Ф. Ф. Вигелем и приписываемое им Пушкину. Вигель пишет: «В Кишиневе жила одна гречанка Калипсо, коей блистательные очи воспламенили поэтическое сердце Пушкина, находившегося тогда в ссылке. В 1824 году один хороший знакомый его из Кишинева (*Вигель*. – С. М.) писал к нему в Одессу и именем этой Калипсо умолял его посетить место его жительства, в шутку называя его странствователем Телемаком. В ответ вот что между прочим сказал он ему стихами:

*Скучной ролью Телемака
Я наскучил, о друзья,
О Москва, Москва-Итака!
Скоро ли тебя увижу я?»*

За свою долговременную ссылку, с 1820 года, Пушкин успел побывать в Крыму, Кишиневе, Киеве, Каменке, Одессе... Закончилась его шестилетняя опала в Михайловском Псковской губернии в сентябре 1826 года.

Все это время мысль о возвращении в «блеск, шум и чад» столичной жизни не покидала поэта, и, похоже, раздумывая над перипетиями собственной судьбы, он, если верить Ф. Ф. Вигелю, уподоблял себя многолетнему скитальцу Телемаку.

Произведения Фенелона Пушкин знал, любил, называл французского сочинителя «человеком благоволения», «сладкоречивым епископом», а «Телемака» – книгой «исполненной смелой философию», «язвительной сатирой на прославленное царствие» (*Людовика XIV*. – С. М.).

Среди книг, купленных Пушкиным у петербургского книгопродавца Ф. М. Беллизара «ноября 8 дня 1835 года», значится: «Фенелон. Сочинения, 3 т., 36 рублей», т. е. труды французского автора, в том числе и «Телемак», были в личной библиотеке поэта.

В 4-м томе «Современника» (1836 г.) в разделе «Новые книги» звездочкой отмечена книга «Странствия Телемака, сына Улисса. Сочинение Фенелона», издание 1835–1836 гг. Издатель (А. С. Пушкин) в примечании к 1-му тому «Современника» сообщает читателям: «...звездочкою означены те книги, которые показались издателю замечательными ...»

Вернемся, однако, к алма-атинской находке. Как и когда попала к поэту эта французская книга, неизвестно. Быть может, поэт ее приобрел в лавке книгопродавца, он мог также заказать кому-либо из знакомых привезти ее из-за границы. Книгу мог оставить какой-нибудь француз во время бегства из России, именно таким образом попала в библиотеку Пушкина другая французская книга, сочинение Шапп д'Атроша «Путешествие в Сибирь», изданная в 1765 году, с надписью, свидетельствующей, что книга эта была кем-то поднесена маршалу Мортье в 1812 году в Москве. Он мог, в конце концов, получить ее в дар. Догадок множество.

Несомненно одно: «Телемак» сопровождал поэта в его поездке на Урал в 1833 году по пугачевским местам. Был с ним в Оренбурге, Уральске. Книги всегда и везде сопутствовали Пушкину. Уезжая в путешествия, поэт всегда брал с собой запас книг, как правило, небольшого, карманного формата. Они были удобны в дороге, помогали коротать время в дороге, на почтовых станциях, в ожидании перекладных.

Видимо, во время путешествия на Урал поэт случайно оставил книгу где-нибудь на почтовой станции или у кого-нибудь из знакомых. Впоследствии ее приобрел И. А. Кастанье, коллекционер и ученый, без сомнения, понимавший исключительную ценность книги с собственноручными заметками Пушкина. Дальнейшая ее судьба известна.

Об интересе, с каким Пушкин читал «Телемака» в дороге, наглядно свидетельствуют отметки, оставленные поэтом на полях книги. Обратимся к ним.

ЧЕРТЫ ЕГО КАРАНДАША

Рискуя разочаровать читателя, признаемся, что в силу обстоятельств, а именно, ограниченного пребывания в Алма-Ате, но – главное! – из-за трудно читаемого пушкинского почерка, большей частью пометки перевести на русский язык не удалось. Почерк поэта зачастую трудно разобрать, даже когда он пишет на родном языке, что уж говорить об иностранном. Оставим их обстоятельное исследование, требующее времени, опытности и эрудиции, компетентным специалистам, ученым-пушкиноведам. Тем не менее, кое-что удалось прояснить и на, так сказать, любительском уровне.

1. «Телемак», как говорилось выше, был издан в 1714 году. А в старинных французских текстах зачастую вместо буквы *s* наборщики набирали *f*, вместо *i* – *y*. Фенелоновский «Телемак» не стал исключением, и А. С. в самом начале чтения исправил несколько раз написание слова, правда, вскоре перестал обращать на эти мелочи внимание. Пример: Калипсо (*Calypfo*), Нестор (*Nestor*), Улисс (*Ulyff*), *proye* вместо *proie* и т. д.

2. Несколько раз А. С. отмечает вертикальной чертой место в книге, на котором остановил чтение.

3. Иногда рядом со словом, набранным в тексте, А. С. пишет синоним к нему, возможно, на его взгляд более подходящий контексту. Иногда отмечает удачные или, напротив, неточные или устаревшие авторские обороты.

4. В книге есть фраза, подчеркнутая поэтом: «*Любовь побеждается бегством*», которая напоминает ироническую строку из лирического отступления во 2-й главе «ЕО»: «блажен... кто охлаждал любовь разлукой...».

5. Предлагаем читателям несколько небольших фрагментов «Телемака» (в переводе Ф. Лубяновского 1839 г.), напротив которых на полях поэт оставил наиболее развернутые замечания. Содержание текстовой цитаты позволит читателю составить в общих чертах представление о стиле, языке и духе творения Фенелона. Слова и фразы, отмеченные рукой А. С., выделены курсивом.

(*В гроте Калипсо...*) Достигли пещеры Калипсо. Телемак, изумленный, нашел там под кровом сельской простоты все, что могло пленить его взор. Не было там ни золота, ни серебра, ни мраморов, ни столбов, ни изваяний, ни живописи. Пещера в кремнистой *горе* устроена была *в виде сводов*, унизанных *раковинами и камнями* светящимися. Стены были одеты молодой виноградной лозой, расстилавшей равно во все стороны *гибкие* ветви. Кроткие зефиры сохраняли в ней при палящем дневном зное приятнейшую прохладу. Ручьи, с тихим шумом струясь по долинам, усеянным фиалками и амарантами, оставляли в разных местах *заливами воды*, прозрачные, как чистый кристалл. Зеленый луг, как широкий около пещеры ковер, был весь *изукрашен* цветами. Вдали виднелась роща, вся из *тенистых деревьев*, которые приносят золотые плоды, сменяют цвет новым цветом с изменением каждого времени года и разливают дух животворный. Венец прекрасных долин, она была посреди их, как царство ночи, недоступное солнцу. Слух пленялся пением птиц или внимал громам водопада, который сыпался сверху скалы *клубами пены* и бежал по лугам далеко от взоров...

(*Египет...*) Этот город (*Мемфис*. – С. М.) показался нам пространнейшим и многолюднейшим самых цветущих городов греческих. Порядок в нем совершенный, чистота улиц, *водохранилища*, устройство бань, свобода промышленности, общее спокойствие – все достойно удивления. Площади украшены водометами и *obeliskami*, храмы мраморные просты, но величественны. Царский дворец – сам по себе уже город. В нем на каждом шагу мраморы, пирамиды, обелиски, *огромные истуканы*, серебро и золото.

Взвзавшие нас в полон донесли царю, что мы найдены на корабле финикийском. Сезострис ежедневно в известные часы принимал всякого, кто хотел представить ему или жалобу, или полезное сведение, никого *не презирал*, никому не затворял своей двери, думал, что он царь только для блага подданных: они были его любимое семейство. Иноземцев он также принимал благосклонно и к себе допускал, полагая, что познание нравов и законов отдаленных стран всегда полезное приобретение...

(*Битва египтян с финикийцами...*) Я видел, как юный царь примером одушевлял своих воинов: летал – второй Марс – по полю битвы, кругом его кровь ручьями лилась, колесница его вся была обрызгана черной, густой, пенившейся

кровью, колеса едва проходили *по гздам* раздавленных трупов. Дивный стройностью тела и силой, величавый, гордый, он пылал в очах яростью и отчаянием, подобный бурному молодому коню, когда почует, что удила из рта его выпали, в быстром порыве храбрости он предавал все воле случая и не воздерживал от ваги рассудком, не умел ни исправлять погрешностей, ни давать *ясных и точных* повелений, ни предвидеть *опасности*, ни беречь людей полезных и нужных, не потому, что природа не одарила его разумом: в нем пылкость ума равнялась с мужеством, но он никогда не был в училище беды. Наставники *заразили* прекрасный нрав его лестью, он опьянел от славы царского сана и всемогущества, думал, что все должно было покоряться *неистовым* его желаниям: малейшее пререкание воспламеняло его сердце – и тогда он *не рассуждал* и не мыслил, приходил в исступление, раздраженная гордость обращала его в свирепого зверя, природная благость и здравый рассудок мгновенно терялись, самые верные слуги тогда его избегали, он терпел около себя только ласкателей. Таким образом всегда ко вреду своему он переходил из крайности в крайность и заставил всех благомыслящих невольно гнушаться буйным его поведением.

Храбрость его долго удерживала рать неприятельскую, наконец, он изнемог, и я видел бедственную его кончину. Финикиянин *копьем* поразил его в сердце, выпали из рук его *вожжи*, и он грянулся *с колесницы под ноги* коней. Кипрянин отсек ему голову и, взяв за волосы, показал ее, как торжественное знамя, победоносному войску.

Всегда я буду помнить эту голову, кровью облитую, очи, померкшие и сомкнувшиеся, лицо бледное, увядшее, *уста раскрытые* и речь начатую как будто еще договаривавшие, гордое грозное чело, неизмененное даже и смертью. Во всю мою жизнь будет у меня перед глаза это печальное зрелище, и если боги некогда вверят мне царство, то после столь горестного примера никогда не забуду, что царь тогда только достоин державы и счастлив могуществом, когда покоряет власть здравому разуму. Горе тому, кто призван устраивать общее благо, а, царствуя, умножает только бедствие народа...

(*Пигмалион ...*) молва говорит, что он никогда не проводит в одном месте двух ночей сряду от страха насильственной смерти. Он не знает никаких увеселений ни дружбы, всего усладительнейшей. Предложит ли кто ему искать развлечения и удовольствий, он чувствует, что радость и удовольствие бегут от его сердца. Впалые очи его сверкают пламенем *алчной, свирепой* злобы и непрестанно оглядываются. Он внемлет с трепетом самому тихому шуму, бледен, *исчах*, и на лице его, обезображенном морщинами, написаны мрачные скорби, – всегда молчит, вздыхает, стоны отчаяния вырываются из его сердца, он не может скрыть *угрызенный, раздирающих* его душу. Самые вкусные *яства* противны ему. Дети – вместо надежды и утешения – страх его. Он сделал их врагами себе и врагами опаснейшими, он не имеет покоя ни на одно мгновение ока, искупает бытие свое кровью всех, на кого бы ни пало его подозрение. Безумный! Не видит, что жестокость, единственный щит его, обратится ему в пагубу. Кто-нибудь из его же клеветов, равный ему в недоверчивости, не укусит избавить мир от такого изверга...

(*Кипряне в шторм...*) Между тем кипряне на корабле все предавались буйным потехам. Гребцы, враги труда, дремали на веслах, *кормчий*, в венке из цветов на голове, вместо *руля* держал в руках огромную чашу с малым уже в

ней остатком вина. Он и все до единого, вне себя от вина, пели в честь Венеры и Купидона такие песни, что содрогнулось бы от них всякое сердце, любящее добродетель.

Так они забывали опасности неверной стихии, когда *внезапная* буря возмутила небо и море. *Заревели* в парусах яростные вихри, черные воды били валами в корабль, стонавший от их ударов. То волны, вздувшись, вертели нас по *хребтам* своим, то море под нами вдруг расступалось, бездны зияли. На шаг от себя мы видели груды утесов, где *волны кипевшие* разбивались с ужасным гулом и громом. Тогда узнал я на опыте истину слов, которые часто слышал от Ментора, что сладострастные люди, упоенные удовольствиями, робки и малодушны в опасности. Унылые кипряне рыдали, как боязливые женщины, оглушали меня плачевными воплями и горестными вздыханиями о наслаждениях жизни, поздними обетами принести богам жертвы за избавление от предстоявшего бедствия. Никто не сохранил присутствия духа, чтобы управлять кораблем или, по крайней мере, исполнить необходимые *распоряжения*. Я вменил себе в обязанность, спасая себя, спасти и других; взял в руки *руль*; кормчий, омраченный парами вина, как *вакханка*, не мог даже видеть столь близкой опасности; велел я убрать паруса, *ободрил* уstraшенных гребцов, они ожили, и мы благополучно прошли между камнями...

Подытожим: даже из того малого, что удалось разобрать в пушкинских маргиналиях, поэт предстает, как обычно, активнейшим читателем: он хвалит или порицает автора, спорит или соглашается с ним, дополняет его или, отталкиваясь от мысли автора, развивает свою... Отметки на полях книги не в первый и, безусловно, не в последний раз, свидетельствуют о его самом действенном чтении.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Тропа поиска дарит ни с чем не сравнимую радость открытия. И хотя вопросов осталось немало, тем не менее, старинная книга приоткрыла кое-какие свои тайны. Но самое главное: она помнит и хранит тепло рук Пушкина, его душевное движение, его энергию и волю, «черты его карандаша» – следы пристального чтения.

Старейший московский пушкинист М. Я. Цявловский при нахождении новых пушкинских автографов говорил: «Прошу встать!» Этими словами уважаемого ученого, полными безграничного уважения к памяти поэта, и закончим статью.

Автор выражает искреннюю признательность сотрудникам РНБК и лично руководителю службы редких книг и рукописей Толкын Амангельдиевне Замзаевой за любезно предоставленную возможность ознакомиться с уникальной книгой.

